

ЖИЗНЬ ПАЛЕОНТОЛОГА В.А. КИПРИЯНОВА

А.Е. Нелихов¹

¹ Независимый исследователь

Статья рассказывает о жизни В.А. Киприянова (1818–1889) – одного из первых палеонтологов России, изучавшего ископаемые остатки позвоночных.

LIFE OF PALEONTOLOGIST V.A. KIPRIANOV

A.E. Nelikhov¹

¹ Independent researcher

The paper tells about the life of V.A. Kiprianov (1818–1889) – one of the first paleontologists of Russia, who studied fossil remains of vertebrates.

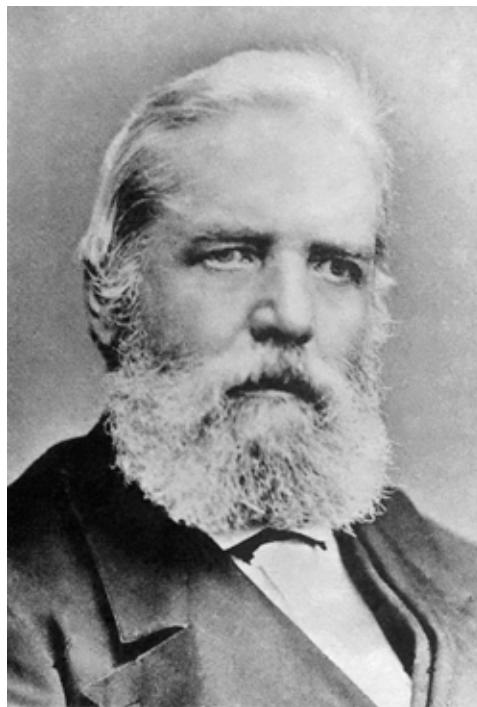
Этот зуб, по-видимому, также принадлежал Киприянову, хотя этикетки не сохранилось.

Н.Н. Боголюбов «Из истории плезиозавров в России»

Валериан Александрович Киприянов прожил долгую жизнь. Он родился в Смоленской губернии в 1818 году, в семье опального героя отечественной войны и ясновидящей дамы. Скончался в Москве в 1889 году, в возрасте семидесяти лет. По профессии он был инженером и руководил многими крупными проектами. Он прокладывал шоссе между Курском и Орлом, строил железную дорогу от Владимира до Нижнего Новгорода, занимался водоснабжением Петербурга и Москвы. Значимой фигурой в истории инженерного дела он не стал, но оставил видный след совсем в другой области.

Курское шоссе, которое строил Киприянов, отсыпали фосфоритами, в которых нередко попадались обломки окаменелой древесины, морские раковины, ископаемые кости. Киприянов заинтересовался ими и за пять лет собрал огромную коллекцию. Она должна была насчитывать никак не меньше тысячи образцов. Большую часть находок Киприянов раздал специалистам. Себе оставил только остатки позвоночных: зубы, кости морских рептилий и рыб. Он хотел изучить их сам. Изучение затянулось почти на тридцать лет: слишком много других обязанностей было у Киприянова, слишком трудным оказался материал. Лишь на пенсии Киприянов закончил свои ученые труды и выпустил подробное описание находок. Рептилиям он посвятил четыре тома. Рыбам – несколько статей.

Киприянов не был профессиональным палеонтологом даже по меркам того полупрофессионального времени, когда палеонтология была, скорее, хобби у геогностов. Палеонтолог Никитин называл Киприянова самоучкой. Ничего обидного в это слово он не вкладывал. Напротив, почетно отмечал, что Киприянов – один из «старейших русских палеонтологов» (Никитин, 1890). И все-таки

Валериан
Александрович
Киприянов
(1818–1889)

самоучка. Научного образования у Киприянова не было, ученых степеней – тоже. Сейчас бы его назвали дилетантом, любителем или коллекционером. Если бы он жил сейчас, то наверное, тоже опубликовал несколько статей. Они, скорее всего, затерялись бы в краеведческих сборниках и тезисах по случаю какого-нибудь юбилея.

Киприянову удалось сделать гораздо больше потому, что в его времена сама ситуация была иной. Наука только зарождалась, и это приводи-

ло к необычным, чудесным ситуациям. Киприянов был одним из таких чудес, и стал совершенно недостижимой величиной среди любителей и самоучек. Ему удалось сделать невероятную для любителя карьеру. За свой счет Императорская Академия наук выпустила четыре тома его исследований. Московское общество испытателей природы опубликовало пять его объемных статей. Он общался с Рулье, Эйхвальдом, Пандером, Борисяком, Павловым и Никитиным, был знаком с Мурчисоном и Оуэном...

Время все расставило по местам. Киприянова практически забыли. Не цитируют его труды, тем более они написаны ужасным слогом и в основном на немецком языке. Аннулированы все его таксоны, кроме одного: он пока под вопросом. Не прижился красивый термин «северский остеолит», придуманный Киприяновым. Сейчас эту породу называют скучным словом «фосфорит». Из гигантских сборов Киприянова почти ничего не уцелело. Неизвестно, где находится самая ценная его находка – нижняя челюсть «брюхастого животного» ихтиозавра.

Но его жизнь от этого не стала менее любопытной. Напротив.

Наука XIX века отразилась через фигуру Киприянова совсем иначе, чем через фигуры Траутшольда, Куторги или Фишера фон Вальдгейма. Отсутствие у Киприянова ученых регалий и слабая причастность к ученой среде позволяет по-другому взглянуть на его эпоху. Киприянов печатал заметки в провинциальной газете и, вероятно, в самом деле думал, что описания ископаемых зубов заинтересуют помещиков и аптекарей. Он показывал кости на губернской выставке, и их осматривал местный архимандрит.

Киприянов был глубоко верующим человеком. Это причудливо сочеталось с любовью к естествознанию. Он писал, что «без веры всякое знание бессодержательно», а чистая наука порождает лишь «новые противоречия и новые запутанности». Он цитировал слова Бюффона и Ломоносова о том, что тайны природы обращают человечество к Богу, а сама «природа есть некоторое Евангелие», которое показывает премудрость Создателя (Очерки, 1882). То есть в костях плезиозавров он видел божественное начало.

Род Киприяновых происходил с Русского севера: из Карелии и Белого моря. Среди Киприяновых было немало видных граждан: земские старосты, помещики и городские управители, которые распределяли между покойниками надгробные плиты. В 1780 году в Каргопольском уезде родился Александр Киприянов – будущий отец инженера и палеонтолога Киприянова.

Александра Киприянова с детства отдали на военную службу. Его карьера шла быстро, особенно в Отечественную войну 1812 года. При штабе Кутузова тридцатилетний офицер выполнял «осо-

бые поручения», и за Бородинскую битву получил золотую шпагу с гравировкой «За храбрость». Ордена и медали положенным чередом сыпались на его грудь. Но едва Киприянов покинул пределы России, чтобы преследовать французские войска, фортуна ему изменила. В 1813 году его сильно контузило. Одна пуля пролетела ногу навылет, другая ударила в лицо «пониже левого глаза», а ровно через месяц в щеку попал кусок гранаты.

Главная беда случилась по дороге домой. Полк Киприянова устроил какие-то беспорядки на марше из Франции в Россию. Был скандал. Дело разбирали с участием императора. Решение вынесли не в пользу Киприянова. Наказание было суровым: Киприянова лишили чина, наград и старшинства по службе.

Попав в опалу, Киприянов повел себя благо разумно. Не стал искать правды при дворе, а уехал в деревню и женился. В жены взял молодую барышню Александру Васильевну Потресову. Брак был неравный, с разницей в двадцать лет. Невесте едва исполнилось шестнадцать лет. Киприянову шел тридцать седьмой год. Невеста была круглой сиротой. Ее опекал родной дядька – отставной капитан Иван Глинка, отец знаменитого композитора Михаила Ивановича Глинки. Молодые супруги отличались не только возрастом, но и темпераментом. Александр Киприянов был жизнерадостным, обаятельным мужчиной. Композитор Глинка называл его «чрезвычайно умным, образованным и приятным». В своих воспоминаниях Глинка упомянул два эпизода, связанные с Киприяновым. Оба забавные.

Однажды Киприянов увидел, что Глинка сочиняет пьесы с болезненной и «неистойвой страстью». Опальный герой посоветовал композитору оставить «пагубную склонность». По словам Киприянова, от сочинений ничего ждать не приходится, «кроме зависти, досады и огорчений». Напротив, обычная игра на фортепьяно или скрипке доставляет удовольствие и может принести приятные, полезные знакомства. «Я отчасти изведаль справедливость его слов», – писал Глинка (Записки М.И. Глинки, 1870).

Другой эпизод связан с большим наводнением в Петербурге. Глинка и Киприянов забавлялись, наблюдая, как барышни поднимают юбки до колена, чтобы не промокнуть на тротуарах. Но вода прибывала все сильнее, и Глинке пришлось спешно перетаскивать со своего первого этажа наверх самое ценное имущество – рояль. Причем это оказалось ненужным. Вода дошла до порога квартиры Глинки, остановилась и ушла... А тяжелый рояль потом пришлось спускать обратно.

Киприянов тоже тепло относился к композитору, написал о нем подробные мемуары (Бер-Стунеева, 1955), но вовремя их не напечатал, и они

потерялись. Остальная семья Глинок тоже высоко ценила нового родственника. Сестра композитора называла Киприянова очень образованным человеком и вспоминала, что он «имел хорошую библиотеку серьезных книг и выписывал все вновь выходящие» (Шестакова, 1894).

Молодая жена Киприянова, напротив, была болезненной, меланхоличной и набожной. Она могла молиться ночи напролет, восторженно рыдать и класть земные поклоны, чтобы «намолиться». Посты она соблюдала «все без исключения и с большой строгостью», как вспоминал ее сын, инженер Киприянов. У нее бывали экстазы, однажды она видела Иисуса Христа. Девушка была небольшого роста и, несмотря на посты, довольно упитанная. Над ее полнотой потешались. Это привело к несчастью. По злому совету она выпила уксус, чтобы избавиться от тучности, и серьезно подорвала здоровье (Очерки, 1882).

Необыкновенная семья из фанатичной барышни и опального, но веселого героя войны поселилась в Смоленской губернии, в родовом имении невесты. Вскоре у них родился и сразу скончался первенец. Через год, 5 октября 1818 года, родился второй сын. Его назвали Валерианом. Спустя годы он станет дорожным инженером, коллекционером окаменелостей и палеонтологом-самоучкой.

От родов здоровье матери совсем расшаталось. Ей советовали отказаться от постов, но она не согласилась. Обычные лекарства ей уже не помогали, и ее отправили на сеансы гипноза. Когда Киприянова вошла в состояние транса, у нее открылся дар ясновидения.

Инженер Киприянов подробно описал дар матери. Пока она находилась в «магнитном сне», то видела прошлое и будущее, могла следить за людьми, которые были в других местах. Но едва приходила в себя, сразу все забывала. Мужу понравились суперспособности супруги. Он аккуратно записывал ее пророчества и следовал многим ее советам. Будучи в трансе, Киприянова давала ему всевозможные указания, хотя избегала прямых ответов и изъяснялась туманно, особенно насчет смерти и загробного мира.

Инженер Киприянов полагал, что многие пророчества матери сбылись. Она говорила, что только двое ее детей доживут до старости, описывала обстоятельства своей кончины. Сын полагал, что она не ошиблась. А вот композитор Глинка считал иначе и с грустью вспоминал, как Киприянова посоветовала ему лечиться кавказскими водами. Он так и сделал, чем изрядно испортил здоровье. От минеральных вод ему стало гораздо хуже прежнего...

Валериан Киприянов рос болезненным ребенком. Однажды он едва не задохнулся от опухоли, которая больше месяца сидела у него на шее. Он выздоровел только после того, как во сне ему явился святой Николай Угодник. Мальчик был

капризным и непослушным. Проблемы в воспитании усугублялись тем, что двое других детей-Киприяновых скончались в юном возрасте, и Валериана окружили нервной заботой.

В старости он каялся: «Более всего страданий приходилось, конечно, на долю добрейшей матери. Не проходило ни одного дня, чтобы Валериан чем да нибудь не расстроил ее: она плакала, молилась и беспрестанно болела, а на маленького Валериана иначе не могла и смотреть, как на сына, назначенного убить ее своим дурным нравом» (Очерки, 1882; здесь и далее для удобства развернуты сокращения имен: «Вал.» – «Валериан» и т. д.).

Когда ребенку исполнилось шесть лет, ему наняли учителей. Немецкий преподавал некто Иван Алексеевич Михельсон, любитель шнапса, который «по-русски знал плохо, а в педагоги попал в первый раз из каких-то рижских торговцев». Вторым учителем стал бывший семинарист из Смоленска, «не окончивший курса, но очень порядочный».

В это время глава семейства отправился в Петербург. Только что скончался император Александр Первый, и Киприянов надеялся поправить дела: новая метла метет по-новому. Всамом деле, ему удалось восстановить и «безупречность с честью», и все регалии. Он получил новое место – в корпусе внутренней стражи.

Валериана тоже начали готовить к военной карьере. Сам мальчик больше мечтал о науках и путешествиях. В мемуарах он рассказал историю, которая во многом определила его судьбу. В восемь лет Валериан жил в лютеранском пансионе в Смоленске. Пансион держал почтенный старик Август Егорович Лангенбек – сокурсник Гёте, с которым они переписывались уже полвека. Однажды к старику пришли несколько молодых людей. Они сказали, что едут из Дерпта на юг с учеными целями. По воспоминаниям Киприянова, они, кажется, собирались измерить высоту Аарата.

Киприянов писал, что эти ученые путешественники чем-то затронули его «за живую струну» и «пробудили желание учиться» (Очерки, 1882). Однако судьба шла в другом направлении. По воле отца Киприянов готовился поступить в одно из «военно-учебных заведений». В конце концов выбор пал на Институт корпуса инженеров путей сообщения.

В тринадцать лет Киприянов выдержал экзамен и был зачислен в кадеты первой роты своекоштным воспитанником, то есть на платной основе.

Незадолго до поступления скончалась его ясновидящая мать. Ей было 29 лет. Муж выстроил в ее честь церковь, а принадлежавшую ей деревню Коханы переименовал в село Александрино, по имени покойной...

Сам Александр Киприянов оказался старожилком. Он дослужился до чина генерал-майора и скончался в возрасте 92 лет, с лихвой пережив

молодую супругу. В этом они тоже оказались противоположны.

В Институте путей сообщения нумерация классов шла задом наперед. Ученики поступали в подготовительный шестой класс, затем переходили в пятый, четвертый и так далее. Самый последний назывался первым, то есть был высшим, итоговым. Киприянов, по его словам, учился «довольно удовлетворительно» и всего один раз был оставлен на второй год – в предпоследнем классе. Причиной стало увлечение операми, которые «вскружили ему голову» (Богданов, 1888).

Основной упор в институте делался на технические дисциплины. Здесь преподавали целый букет прикладных наук: «строительное искусство», начертательную геометрию, «теорию теней», полевою фортификацию, построение военных мостов и солнечных часов-гномонов, а также особый курс «приложения геометрии к разрезке камней».

Преподавательский состав был сильный. Почти все предметы вели военные специалисты или члены Академии наук. Некоторые курсы читали по-французски: для удобства и «ясности предмета». Плохо были поставлены только гуманитарные и общеобразовательные предметы. По оценке Киприянова, Закон Божий преподавали «неумело и весьма схоластично», а курс риторики и грамматики был полным вздором. Преподаватель грамматики все уроки читал «одни и те же сонеты собственного изделия» и сравнивал себя с Петраркой. Стихи других поэтов он называл «стишенками» (Очерки, 1882).

На последних экзаменах выпускникам предстояло показать познания в самых разных областях строительного и инженерного дела. Они должны были уметь рассчитывать силу кирпичей, пробивать колодцы, осушать болота, строить запруды и иметь точные представления обо всех двигателях – «о живых, о воде, о ветре и о теплоте»...

Ближе к выпускным экзаменам Киприянов понял, что не хочет всю жизнь отдать мирной «полувоенной карьере» инженера. Сокровенную мечту «о путешествии в качестве натуралиста» он считал недостижимой и стал готовиться к военной карьере, чтобы, как отец, получить долю «геройских подвигов и славы». Он решил перейти в военную академию.

Планам помешала мелочь. Во время выпускного экзамена Киприянов успешно держал ответы по стратегии и военному искусству. Один из экзаменаторов так очаровался юношей, что сам попросил перевести его из инженеров в военную академию. Но другой экзаменатор, министр путей сообщения граф Толь сухо заметил: «Я уверен, что он и сам не пожелает переменить службы, к которой так хорошо приговорен». Спорить с высоким чином было немислимо.

Киприянову потом говорили, что граф Толь, заметив послушание и смирение юноши, устроит

его судьбу наилучшим образом, и, не исключено, что по военной части. Надо только набраться терпения и подождать. На беду, граф Толь вскоре умер. О военной службе пришлось забыть. Вся жизнь Киприянов отработал «полувоенным» инженером... Ему разрешили самому выбрать место службы. Он пожелал отправиться в Москву.

На этом его мемуары обрываются. Киприянов хотел выпустить продолжение (а может быть, и не одно), но не выпустил. На титульном листе единственного тома его заметок указано «Выпуск I. С двумя фотографиями». В книге он написал про отца, мать, свое детство и учебу. Второго выпуска не было.

В этом видится случайная параллель с В.Г. Очевым: он тоже под конец жизни начал писать мемуары, собирался сделать четыре части, но довел рассказ только до того же возраста, что и Киприянов: примерно до двадцати лет...

В 1840 году Киприянов прибыл в Москву. Под руководством старших коллег он занимался улучшением судоходства по Москве-реке, спроектировал несколько шлюзов, делал опыты по расчистке мелей, самостоятельно подготовил проект «разборчатой плотины» и был назначен ее строителем. Во время работы Киприянову приходилось вести масштабные земляные работы, и он «живо заинтересовался теми толщами земли, которые иногда приходилось прорывать при работах, и теми остатками организмов, которые находят в этих толщах» (А.П., 1889). Импульс, полученный в детстве от ученых путешественников, вдруг получил приложение. Киприянов увлекся геологией и палеонтологией. По словам его знакомых, эти две науки «сделались его любимыми», и Киприянов находил на них время, несмотря на свои многочисленные служебные обязанности.

Познаний в геологии у Киприянова было немного. В палеонтологии не было вообще. В мемуарах он писал, что в институте минералогии, геогнозии и геологии преподавали хотя и «осмысленно, но весьма кратко». Палеонтологию, конечно, не преподавали. Киприянов свел знакомство с другими любителями окаменелостей и с натуралистами, в том числе с профессорами Московского университета И.И. Давыдовым и К.Ф. Рулье. Он ходил на их лекции и вместе с Рулье ездил на экскурсии по Подмосковию. По словам Киприянова, именно Рулье дал «толчок и направление его будущей деятельности» (Никитин, 1890)...

В одной из статей Киприянов цитировал слова митрополита Филарета, что судьба «слагается из неисчислимых случайностей, которых никакая человеческая мудрость объять, никакая земная сила покорить себе не может» (Очерки, 1882). Рулье был одной случайностью. Другой стала долгая командировка Киприянова в Курскую губернию.

Киприянову поручили построить часть крупного тракта: от города Фатеж к Курску. Назначение стало переломным моментом в жизни инженера, которому исполнилось ровно тридцать лет. Дорогу отсыпали фосфоритом. Пласт песчаника с фосфоритовым конгломератом был 15 метров мощности. От песчаной плиты в песок уходили полуметровые «почковидные сосцы или корни». Рабочие называли эту породу «рогачом» или «самородом». Киприянов придумал для нее красивое название «северский остеолит», то есть «костяные камни из Северии». Северия – старинное название этих мест, Северная или Северская страна. Толща фосфоритов была набита ископаемыми остатками. Рабочие даже использовали их в хозяйстве. Наливали в окаменелые позвонки и раковины грифей конопляное масло, клали фитили и поджигали. Получались самодельные лампы, ими освещали ходы в каменоломнях. На дорожном полотне валялись тысячи окаменелостей: куски ископаемого дерева, копролиты, раковины, кости, зубы рептилий и рыб.

Киприянов провел в Курской губернии пять лет и, вероятно, регулярно осматривал дорожные насыпи. Дорога тянулась на пятьдесят километров, фосфорита на отсыпку пошло много. Неудивительно, что коллекция Киприянова скоро приобрела колоссальные размеры. В его частной собственности волей случая оказались две крупнейшие в России палеонтологические коллекции: одна по окаменелостям мелового возраста, вторая – по вымершим рептилиям.

Киприянов вполне понимал их ценность и стремился пополнить при каждом удобном случае. Он много ездил по окрестностям в качестве «ученого туриста», как мечтал в детстве, собирал ископаемые и, по собственной оценке, подробно изучил «в геогностическом отношении все пространство от Орла до Харькова и от Воронежа до Брянска» (Киприянов. Несколько слов...). Он ездил в каменоломни и на земляные работы, бродил по оврагам и речным берегам. Особенно интересовался меловыми ископаемыми, но попутно собирал все, что попадется. В каменоломне у села Зорино он добыл «некоторые части шкелета» древнего барсука. В строительных ямах у города Фатеж нашел «два черепа с прочими частями шкелета обыкновенного слепыша». Он собирал кости быков, сурков и мамонтов, которых на старинный манер называл «маммутами» (Киприянов, Несколько слов...). Он вообще любил старинный стиль и предпочитал изъясняться витиевато. Трупы ископаемых созданий он иногда называл «кадаврами» (Киприянов, 1886).

Спустя два года после приезда в Курскую губернию, Киприянов опубликовал первые заметки палеонтологии и геогнозии. Для публикации выбрал весьма нетривиальное издание – «Курские губернские ведомости». Все «губернские ведомости» делились на две части: «официальную» и «неофициальную».

В «официальной» печатались указы местных и центральных властей. «Неофициальную» редакторы заполняли на свое усмотрение. Обычно здесь печатали местные известия, казенные и частные объявления, прогноз погоды и всевозможные советы по хозяйству и здоровью.

«Курские губернские ведомости» выходили раз в неделю. В их «неофициальной части» можно было найти, что угодно. Редактор газеты интересовался всем на свете. Он печатал рассказы про историю оружия и «физиономию лошади», статьи о нерукотворных «портретах Иисуса Христа», советы, как лучше чистить жемчуг, чем лечить геморрой и как правильно делать зеленую водку с «немецкой сухой мятой». На одной странице стояла заметка, что от «ревматизма и каменной болезни» помогает лимонный сок. На другой – объявления о продаже крестьян. На третьей снова совет: «Пустой зуб надо набивать воском, свинцом и золотом»...

В этом диковинном окружении в 1850 году вышла длинная статья Киприянова «Геогностическое обозрение пространства между гг. Орлом и Курском». Статья печаталась с продолжением и в общей сложности заняла шесть номеров газеты. Она была переполнена описаниями слоев и формаций и списками деревень, на месте которых в прежние эпохи расстилалось морское дно. Особое внимание автор уделял ожелезненным пластам фосфорита, где захоронены «рыбы позвонки и зубы, кости монатусов и Дельфинодонов, зубы рыбы ящера и крокодила, морские и пресноводные раковины и куски дерева» (Киприянов, 1850).

Автора больше занимала геология. Про вымерших чудовищ газета обещала рассказать в другой статье. Обещание не обошлось без курьеза. Наборщик не справился с мудреным словом «палеонтология», и газета пообещала подписчикам «подробное полеонтологическое исследование». Скорее всего, появлению необычной публикации способствовал дальний родственник и приятель Киприянова – курский губернатор В.А. Козодаев (Богданов, 1888).

Описание ископаемых остатков сделал не Киприянов, а его случайный сподвижник, врач курской гимназии и любитель старины Владимир Константинович Гутцейт. О жизни Гутцейта ничего не известно. Публикации в «Курских губернских ведомостях» – единственный его след, оставшийся в истории.

Статья о древних обитателях Курской губернии не заставила себя ждать. Гутцейт вкратце обрисовал всю историю планеты. Вначале земной шар был огненно-жидким, но понемногу остыл и покрылся водой. В морях появились водоросли, «замечательные несовершенством» своего строения, и животные из «фамилий трилобитов и

ортоцератитов». Затем из воды показалась суша. Из-за ее поднятий и опусканий происходили катастрофы. Моря меняли расположения, погибали целые «поверхности сухой земли» и населявшие планету существа (Гутцейт, 1850). Поколения животных, обитавших на планете до человека, были вполне фантастическими.

Фантастическими получились и их описания, сделанные Гутцейтом. По некоторым зубам он описал «новую породу» ящеров – *Ichtyosaurus kurskensis*. Это первый ихтиозавр, описанный в России. Рисунок в публикации нет, а само описание небольшое, всего в два абзаца:

«*Ichtyosaurus Kurskensis*. Так называю я зубы особенного вида рыбы-ящера, найденные в здешних местах. Некоторые из них прямые, а другие более или менее согнуты; одни из них имеют корневые углубления (*Schwundgruben*), а другие не имеют; длина наибольшего зуба $2\frac{1}{2}$ д., а наименьшего 1 д. 6 л.; ширина самого большого у корня 8 л., а наименьшего – $5\frac{1}{2}$ л. <...> Эмаль короны черного цвета, а корня буро коришневого цвета. <...> По наружным признакам все эти зубы – большие и маленькие, прямые и кривые – кажется, принадлежат одному виду ихтиозавра, виду однако-же не описанному ни у Бронна, ни у Овена, ни у Гибеля» (Гутцейт, 1851).

Удивительное описание. Зубы то ли прямые, то ли кривые. В общем большие, но не все... А рядом – рецепт губной помады из молока и кошенили. Рассказ о местном помещике Сократе Ивановиче Безобразове. И совет, к чему употреблять настойку из голубиного помета.

Знаменитый Оуэн тоже печатал описания ископаемых животных в «Литературной газете» (*Literary Gasette*), но его описания немного другие по качеству...

Кроме научных заметок Киприянов с Гутцейтом несколько раз напечатали на страницах газеты «Ученое объявление». Они просили «господ помещиков» поделиться ископаемыми остатками, если таковые имеются в их коллекциях. И обещали после изучения вернуть остатки хозяевам, «буде кто этого пожелает» (Гутцейт, Киприянов, 1850).

Палеонтологические заметки внезапно вызвали скандал на самом вершине. В те годы цензуру «неофициальных частей» ведомостей осуществляли местные чиновники, подчинявшиеся губернаторам. На них не распространялись жесткие правила Главного управления цензуры. Все изменилось после палеонтологического очерка Гутцейта. Он в недобрый час попал на глаза чиновникам центрального комитета по делам печати. Оттуда бумага с жалобой ушла в правительство. В июне 1850 года министр внутренних дел пожаловался на «Курские губернские ведомости» министру народного просвещения. Он написал, что статья Гутцейта противоречит «космогонии Моисея»

(Блум, 1968), и предложил во избежание подобных промахов подчинить цензуре не только официальную, но и неофициальную часть «ведомостей». Глава Министерства народного просвещения согласился.

Курский цензор получил выговор, а в 1851 году император Николай I подписал новый цензурный проект. «Неофициальные части» ведомостей надолго попали под жесткий досмотр. Они проходили читку специальных цензоров, которые подчинялись Петербургу. По сути, палеонтологическая заметка Гутцейта привела к созданию нового цензурного аппарата, охватившего всю Россию (Райков, 1955).

На Киприянове с Гутцейтом это мало отразилось. Они продолжали публиковать заметки в «Курских ведомостях». Впрочем, там уже не было рассуждений, идущих вразрез с учением Моисея. В 1852 году «Курские губернские ведомости» начали печатать серию статей под названием «Из палеонтологических писем В.А. Киприянова». Самой необычной была первая заметка – про «рыбьи извержения или копролиты». Она вышла без рисунков. Редакция извинилась: рисунки заказаны, но художник не успел их сделать, поэтому читатели получают их позже. Рисунки копролитов, в самом деле, отправили подписчикам с опозданием в восемь месяцев. Нелегко дались копролиты курскому живописцу. Киприянов писал, что копролиты из Курской губернии принадлежали древним рыбам и по форме «очень похожи на шишки хвойных деревьев». Одни копролиты напомнили ему шишки елок, другие – шишки лиственницы.

Подписчики ведомостей – помещики, купцы, учителя и чиновники, – наверное, с большим удивлением читали такие строки: «Образование этих копролитов происходит от особенного устройства кишечного канала первозданных рыб, сходного с этим аппаратом ныне живущих: тюленя (*Phocal-Seehund*) и акулы (*Hayfish, le requin, Squalus*). Особенность эта заключается в том, что нижняя часть его спирально изогнутая (*sic!*) перегибанием кишки образует кишечную заслонку; почему прохождение по этому узкому каналу известковой материи было причиною ныне замечаемого нами сложения копролитов, состоящих, как видно на fig. 9, 16, 17 а и b, 19, 20 и 21, из одного листа, спирально на себя навитого» (Киприянов, 1852).

Причем никаких «fig. 9, 16, 17 а и b» в газете не было...

А рядом – совет, как избавить огород от «голых или бездомных улиток». Заметка, что плебейский загар лучше всего смывается лимонным соком. Новость, что кафедральный протоиерей Истомин пожертвовал на благое дело 5 рублей серебром.

До публикации «Происхождения видов» оставалось семь лет. До отмены крепостного права в России – девять лет.

Кроме газетных публикаций Киприянов отличился еще одной историей. Летом 1851 года он принял участие в Курской выставке сельских произведений. В те годы было модно выставлять на выставках всяческие курьезы и раритеты. В 1837 году дворянин и любитель геологии П.М. Языков на выставке в Симбирске демонстрировал «рог допотопного Оленя, позвонок Ихтиосавра, отлично сохранившиеся аммониты и белемниты» (Языков, 1868). В 1889 году на Всемирной выставке «в числе экспозитов отдела глиняных изделий» показывали скелет ихтиозавра *Ichtyosaurus burgundiae*, найденный директором цементной фабрики недалеко от французского Лиона (Новооткрытый «ихтиозавр», 1893).

Курскую выставку сельских произведений проводили под покровительством губернатора. На нее со всей губернии привезли всевозможные «произведения хлебопашества и огородничества». Подробный перечень экспонатов опубликовали все те же «губернские ведомости».

Помещики демонстрировали племенных быков, меха, масла и сыры. Особенно выделялся львовский помещик Анненков. Он принес на выставку лимоны из «собственной аранжерии». Было много полотенец и скатертей, были «бисерные шурки», шляпы из лозы и вырезанная из дерева люстра, «Cedrodisol в сахарном варенье», кошелек из лыка, шерстяное одеяло, пистольный замок, глиняный таз, большая глиняная кастрюля с крышкой, соломенные улья, рожь, овес, табак и два вида ячменя (простой и гималайский), были грабли, кушаки и иконы.

И посреди всего этого сельскохозяйственного и кустарного буйства – находки Киприянова: «клык мамонта», зубы лошади и акулы, остатки белемнитов и, самое ценное, «ребра китовидной ящеры, обломок нижней челюсти крокодиловидной ящеры, обломок кости панцерового покрова крокодиловидной ящеры» (Описание, 1852).

Как полагалось, выставку открыли молебном и гимном «Боже, Царя храни!», а затем «Архимандрит с некоторым Духовенством окропляли освященною водою все привезенные на выставку произведения». Окаменелости тоже освятили.

По окончании выставки участникам выдали награды. Шестерым помещикам и одному купцу – по медали. Крестьянам – всякую мелочь и скарб. Одному дали «кафтан синего сукна». Другому «пару сапог и топор». Третьему – скатерть с иконой. Подарки получила почти сотня крестьян. А Киприянову дали грамоту. В газете об этом написали с опечаткой: похвальным листом инженер награжден за «представленные им органические ископаемые статьи»...

В 1854 году Киприянов завершил строительство «шоссейной дороги» и покинул Курскую губернию. За успешную работу он получил чин инженера-подполковника.

Дальше его служба носила хаотичный характер. За пять лет он сменил много постов. Был начальником Департамента искусственных дел в Управлении путей сообщения, служил там же членом статистического комитета. В 1855 году был направлен на «изыскания для сооружения железной дороги» между Орлом и Харьковом. В 1857 году был в командировке в Эстляндии для осмотра добычи доломита (Богданов, 1888).

Наверняка он собирал «ископаемые статьи» и возле Харькова, и в Эстляндии. Но главной и самой крупной оставалась его коллекция из Курской губернии. Многие образцы оттуда он передал специалистам. Крупную коллекцию отдал Петербургскому университету. Целый ящик костей подарил Геологическому кабинету Московского университета. Ископаемую древесину отправил в Императорский Ботанический сад в Петербурге. Собранные Киприяновым раковины изучал Э.И. Эйхвальд и геолог Э. Гофман. Гофман подготовил на этом материале работу для получения степени доктора минералогии и геогнозии, но умер незадолго до защиты. Его труд был опубликован в 1869 году посмертно под названием «Монография окаменелостей северского остеолита».

Только остатки морских позвоночных Киприянов оставил себе и решил изучить сам: и рыб, и рептилий. По возвращении из Курска в Москву он напечатал несколько статей в «Бюллетене Московского общества испытателей природы». Они во многом сделаны на основе его газетных заметок. Писал Киприянов туманно, длинными и сумбурными предложениями, нанизывая одно наблюдение на другое и не делая между ними пауз. Вот характерный образец его ученого стиля: «Если внимательно сравним распространение затверделых прожилок с наружными формами глыб твердого песчаника (жерновика), встречаемых на дневной поверхности, то заметим, что они (затверделые прожилки) ограничивают массы, которых сомкнутые формы, хотя в общем очертании и подобны таким глыбам, но отличаются от них тем, что все частные поверхности, ими обозначаемые, не имеют той ровной округлости, какая всегда замечается при наблюдении последних, и которая произошла не от переката самых глыб подобно булыжным камням, но от движения по ним текучих вод» (Киприянов, 1885).

В 1853 году Киприянов опубликовал в «Курских губернских ведомостях», а потом – в «Бюллетене МОИП» статью с описанием ископаемой акулы *Hybodus eichwaldi*, а затем прекратил печатать ученые труды. Следующая его статья вышла только через 25 лет.

Причин было как минимум две.

Первая – трудности с изучением остатков морских рептилий. Кости рептилий в коллекции Киприянова были представлены разрозненными

фрагментами – зубами, фалангами, позвонками, в лучшем случае обломками челюстей. Материал оказался крайне сложным, а руководств к его изучению не было никаких. Не только в России, но и во всем мире был всего один крупный авторитет по ископаемым рептилиям – британец Ричард Оуэн. Другие знаменитости – Сили, Коп, Марш – в те годы еще учились в гимназиях и колледжах. Киприянов волей случая познакомился с Оуэном. В 1857 году Киприянов отправился в долгую поездку за границу. Главной целью был осмотр инженерных сооружений Германии, Франции и Британии и налаживание связей с иностранными инженерами. В европейских городах Киприянов наблюдал «работы землечерпательных машин», осматривал железные дороги, маяки, «городские ванны и прачешные». Заодно ходил в ботанические сады, картинные галереи и много времени проводил в естественнонаучных музеях.

В Лондоне его представляли пожилому Родрику Мурчисону и молодому Томасу Гексли. В Королевской школе хирургов он занимался сравнительной остеологией. В «палеонтографическом кабинете» Британского музея изучал «хранившиеся там замечательности». И несколько раз ездил на дачу Мортлок, где жил Оуэн (Богданов, 1888). О знаменитом британце Киприянов оставил самое доброе воспоминание. Оуэн помог ему определить многие кости, в основном зубы. Почти все курские находки Оуэн определил как уже известные из Британии таксоны. Киприянов почти со всеми определениями согласился. В результате в «северском остеолите» оказались почти одни английские рептилии. При этом Киприянов ругался, что русские часто преклоняются перед западным авторитетом: «Мы как-то больше прислушиваемся, когда нам говорят иностранцы, и это вероятно, потому, что нас более озабочивает не столько самое дело, сколько то, что об нас говорят за границею» (Очерки, 1882). Вероятно, эти строки он относил и на свой счет.

Второй важной причиной стала напряженная служба Киприянова. Изучение остатков было для него хобби, необязательным, хотя и интересным увлечением. Но работа почти не оставляла Киприянову свободного времени. В его биографиях указано, что во время некоторых проектов он спал по 4-5 часов в сутки. При этом Киприянов часто менял должности. По возвращении из заграничной командировки он занимался редактированием «Журнала путей сообщения», потом исполнял обязанности директора петербургских водопроводов, одно время читал лекции по минералогии и геогнозии в Строительном училище. Затем уволился с государственной службы и руководил очень крупными частными подрядами: строительством железной дороги от Владимира в Нижний Новгород, прокладкой нового Ладожско-

го канала в 75 километров длиной. Последней его работой стала правительственная инспекция на частных линиях железных дорог. Он называл ее божьим наказанием, и в 1876 году, в возрасте 58 лет, решил окончательно подать в отставку.

С этого времени «Киприянов все свое внимание и все труды посвятил исключительно Палеонтологии» (Богданов, 1888) и за несколько лет завершил изыскания, начатые четверть века назад. В начале восьмидесятых пенсионер Киприянов выпустил главные свои работы. Почти все – на немецком языке, как было модно в его юности. Две небольшие работы об ископаемых рыбах вышли в «Бюллетене МОИП». Еще одну, тоже о рыбах, он напечатал отдельной брошюрой. Киприянову вообще нравилось печатать небольшие книжки со своими статьями. По оценкам букинистов, их тираж не превышал 30-50 экземпляров. Ископаемым рептилиям Киприянов посвятил полноценные монографии. Они вышли как собрание сочинений. Все четыре выпуска «Studienuber die Fossilien Reptilien Russlands» опубликовала Академия наук в 1881–1883 годах.

Историк науки А.П. Богданов обратил внимание на необычное обстоятельство: Академия за свой счет напечатала труд «совершенно постороннего для нее человека». А в биографии Киприянова, составленной инженером Житковым, в изложении этой истории допущена забавная опечатка. Вместо «Fossilien Reptilien» напечатано «Fassolen»... Основой для монографий Киприянова послужила все та же «северская коллекция». Киприянов не стремился описывать новые формы и предпочитал находить сходства, а не различия. Он резонно замечал, что палеонтологи «погрешают иногда в том отношении, что образуют виды по недостаточным для того данным», особенно часто путая возрастные и видовые отличия (Киприянов, 1886). Эта мысль стала одной из главных у Киприянова.

Он решил, что определять возраст ископаемых животных можно даже по обломкам костей, изучая их микроскопическую структуру. По сути, стал зачинателем целого направления в палеонтологии, был одним из первых, кто рассматривал ископаемые кости под микроскопом. Однако эти его работы, как принято говорить, сильно опередили время, в том числе наше. Гистологический анализ в палеонтологии так и остался экзотикой. Четыре монографии Киприянова переполнены сведениями о строении костей: анализами «хрящевых лакун», «окончательно-склерозных костяных тканей» и всевозможных «мозговых пазух». Таблицы рисунков заполнены прорисовками шлифов.

Немецкий ученый К. Циттель называл гистологические штудии Киприянова превосходными (Боголюбов, 1911). А советский анатом А.П. Быстров недоумевал, как Киприянов мог спутать грибные гифы с костными структурами.

С фирменным сарказмом Быстров писал: «Поверхностные слои некоторых костей плезиозавров настолько густо проросли перепутанными гифами, что под микроскопом в шлифах была видна своеобразная, как бы «зернистая», структура кости. В.А. Киприянов этот сильно поврежденный слой принял за... хрящ. <...> Сохранение на поверхности кости «хряща» В.А. Киприянов объяснял тем, что плезиозавры после своей смерти очень быстро подвергались фоссилизации. Он, по-видимому, предполагал, что у взрослых животных все кости скелета покрыты слоем хряща» (Быстров, 1956).

Изучив микроструктуру костей, Киприянов утвердился в мысли, что разновидностей ископаемых рептилий было не очень много. Различные роды и виды – всего лишь возрастные отличия одних и тех же животных.

У него вообще не было недостатка в любопытных гипотезах. Он не исключал, что плезиозавры и ихтиозавры кормили своих детенышей чем-то вроде молока (Киприянов, 1886). Писал, что «рыльце» ихтиозавров было чувствительным и подвижным: «С такою мордою эти животные могли ощупывать и добывать себе пищу со дна моря и из наносов» (Киприянов, 1886). И добавлял, что склеротические кольца защищали глаза ихтиозавров именно «при работе рылом для добывания пищи». Кстати, слово «ихтиозавр» он писал в женском роде: «внутри одной большой ихтиозавры была найдена такая же маленькая ихтиозавра» (Киприянов, 1886).

Почти всех российских морских рептилий Киприянов посчитал западно-европейскими видами. Описал только несколько новых. Выделил новый род плезиозавров *Lütkesaurus* – с редким написанием через немецкую букву с точками. Описал новый вид *Thaumatosaurus mosquensis*, найдя в строении его костей большое сходство с костями кашалота. Описал длиннеего *Plesiosaurus helmersenii*, и по отдельным его костям пришел к выводу, что животное обладало очень длинной шеей: из сорока или даже более позвонков.

Киприянов предположил, что этот плезиозавр достигал девять метров в длину. Позже Н.Н. Боголюбов отнесет животное к эласмозаврам, увеличит воображаемую длину до 13 метров и напишет: «Русские геологи должны усилить поиски костей этого гигантского плезиозавра, который по своей величине немногим уступал прославленным *Brontosaurus* и *Diplodocus*. Находка полного скелета *Elasmosaurus* явилась бы истинным торжеством русской науки» (Боголюбов, 1911).

Еще одну рептилию Киприянов формально описал как нового крокодила *Poekilopleuron schmidtii*. Позже выяснилось, что эти остатки были обломками костей динозавров. Киприянов и сам высказывал предположение, что это кости мегалозавра. Но высказывал слишком осторожно и

поэтому не стал первооткрывателем российских динозавров (Рождественский, 1973).

Почти все описанные Киприяновым таксоны сейчас не признаются. Это обычная история: ревизия таких старых исследований неизбежно аннулирует множество таксонов.

Однако поражает масштаб: из двух десятков новых форм, описанных Киприяновым, сохранился только один – акула *Cladodus (Sphenodus) stschurowskii*. Да и та под вопросом...

После изучения ископаемых остатков Киприянов отдавал их на хранение в крупные ученые учреждения. Ископаемых рыб передал в геологический кабинет Московского университета. Кости рептилий вместе со шлифами – в Академию наук. Возможно, они до сих пор там хранятся.

В 1886 году Киприянов выпустил небольшую статью «Палеонтологические исследования». Он кратко пересказал на русском языке итоги своих палеонтологических работ. В общем, он оценил их высоко и остался ими доволен. Это была его последняя публикация.

В полночь 21 января 1889 года Киприянов скончался в возрасте 70 лет, «после тяжелой и продолжительной болезни». Московские газеты опубликовали объявления о его кончине и приглашения на панихиду. В «Русских ведомостях» вышел небольшой некролог за подписью «А.П.». Судя по стилю, его написал палеонтолог А.П. Павлов. В некрологе сказано, что Киприянов «представляет собою крайне редкий в нашем обществе тип человека, который, несмотря на крайне неблагоприятно сложившиеся жизненные обстоятельства, ценою многих жертв и лишений сумел взлелеять в своем сердце священный огонь любви к знанию, не сулившему ему никаких материальных выгод, сумел сделаться двигателем науки и до глубокой старости сохранил ясное понимание ее задач и горячую к ней любовь» (А.П., 1889).

Киприянова отпели в церкви на Воздвиженке и похоронили на кладбище Андроникова монастыря в Москве. Он был женат. Вдова Олимпиада Лукьяновна пережила его на десять лет. В браке у них были дочери.

После Киприянова осталась большая библиотека. По крайней мере, часть ее продали книготорговцам. Книги Киприянова, с небольшими экслибрисами, до сих пор попадают в букинистах. Экслибрисы у Киприянова скучные, без рисунков, без украшений. Только цифры: «Отделение... Номер...» Библиотека была разносторонней. Киприянов собирал книги по естествознанию и инженерному делу, скупал труды по архитектуре и искусству, по психологии, богословию, философии. Особенно он увлекался метафизикой и чудесами. В своих мемуарах он при случае рассуждал о симпатических связях между вещами, о том, как звезды влияют на «растительные нервы» человека.

Он верил в «лучистую атмосферу» и в «нервный эфир» (он же одилическая жидкость), и в то, что сны приходят из нервных сплетений брюшной полости. И еще полагал человечество неким сверхорганизмом, который связан воедино духом жизни и неуклонно исполняет замысел Творца.

Любопытны его философские воззрения, вкратце разбросанные по мемуарам и статьям. Киприянов, кажется, был детерминистом и полагал, что все предметы и организмы развиваются по Божественному промыслу. Вся история (вероятно, и геологическая) изначально начертана в вечности и постепенно, по заранее продуманному сценарию, раскрывается «в действительном существовании тварей» (Очерки, 1882). Курская губерния специально была затоплена морем, и в его волнах плавали гигантские рептилии. Их кости не могли не сохраниться в фосфоритовой толще: так было задумано. Божественный план предусмотрел и ученых путешественников, ехавших измерить высоту Арарата, и неудачу с поступлением на военную службу, и знакомство Киприянова с Рулье и его командировку в Курск. В сценарии Творца все расписано заранее: от самого начала и до самого конца. У всякой мелочи есть место в плане. Были запланированы и эта статья, и я, и вы. Все продумано, ничто не случайно.

Литература

- А.П. В.А. Киприянов (Некролог) // Русские ведомости. № 23 (23 января). 1889.*
- Бер-Стунеева Ю.Д. Воспоминания о М.И. Глинке // Глинка в воспоминаниях современников. – М. 1955.*
- Богданов А.П. Валериан Александрович Киприянов // Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с ней отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887). – М. 1888. Т. 1.*
- Боголюбов Н.Н. Из истории плезиозавров в России. – М. 1911.*
- Блюм А.В. Возникновение книгопечатания в Курске (историко-библиографические заметки) // Краеведческие записки. – Воронеж. 1968. Вып. 3.*
- Быстров А.П. О разрушении скелетных элементов ископаемых животных грибами // Вестник Ленинградского университета. 1956. № 6. Вып. 1. Серия геологии и географии.*
- Записки М.И. Глинки // Русская старина. Изд. 2. – СПб. 1870. Т. 1.*
- Гутцейт В. Об ископаемых Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1850. № 16 (22 апреля).*
- Гутцейт В. О некоторых фоссильных зубах, найденных в Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1851. № 7 (17 февраля).*
- Гутцейт В., Киприянов В. Ученое объявление // Курские губернские ведомости. 1850. № 7 (18 февраля).*
- Житков С.М. Биографии инженеров путей сообщения. – СПб. 1902. Вып. 3.*
- Киприянов В.А. Геогностическое обозрение пространства между гг. Орлом и Курском // Курские губернские ведомости. 1850. № 8 (25 февраля).*
- Киприянов В.А. Из палеонтологических писем В.А. Киприянова // Курские губернские ведомости. 1852. № 5 (2 февраля).*
- Киприянов В.А. Несколько слов о позвоночных животных, встречающихся в наносных почвах в долинах рек Днепра и Волги, на пространстве от Орла до Харькова, в губерниях Орловской, Черниговской и Курской (отдельное издание, без выходовных данных).*
- Киприянов В.А. Геологические исследования в Орловской и Курской губерниях // Записки Императорского С.-Петербургского минералогического общества. – СПб. 1885. Серия 2. Ч. XX.*
- Киприянов В.А. Палеонтологические исследования В.А. Киприянова // Записки Императорского С.-Петербургского минералогического общества. – СПб, 1886. Серия 2. Ч. XXII.*
- Никитин С. Валериан Александрович Киприянов. Некролог // Известия Геологического комитета. СПб. 1890. Т. 8. (тоже – Записки Императорского С.-Петербургского минералогического общества. Серия 2. Ч. XXVI. – СПб. 1890).*
- Новооткрытый «ихтиозавр» // Московские ведомости. 1893. № 116 (29 апреля).*
- Описание Курской Коренской очередной выставки сельских произведений // Приложение к № 4 Курских губернских ведомостей. 1852.*
- Очерки (из записок В.А.К.). – М. 1882. Вып. I.*
- Райков Б.Е. Дело Владимира Гутцейта // Труды института истории естествознания и техники. Т. 4. История биологических наук. – М. 1955.*
- Рождественский А.К. Изучение меловых рептилий в России // Палеонтологический журнал. 1973. № 2.*
- Шестакова Л.И. Былое М.И. Глинки и его родителей. – СПб. 1894.*
- Языков А.П. Петр Михайлович Языков // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке на 1868 год. – Симбирск. 1868.*